
Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенким**

Мой папа прошел Афган
Он видел барханы, пески
Бушующий ураган
Не людей – только их куски.
А что видел ты?

Мой папа смотрел на Восток
Стальные его кулаки
Сверкали огнями дорог,
Он слышал за милю шаги.
А что слышал ты?

Мой папа отдал свою кровь
И алым налились цветы,
Слегка только дернуло бровь,
Но невозмутимы черты.
А чем наливаешься ты?

Мне передалась его честь,
Мне перелилась его боль,
Не слово одно - сразу шесть!
Не мир, не спокойствие – бой.
А ты кто? А ты – не герой.

Мой папа прошел Афган
Дурной головой под бинты
Он видел насквозь туман,
Он словом срывал болты,
Он был не такой,
Как ты.

Не люблю поэтов!
Развелось-то сколько.
Не могу без толка
Говорить с людьми.
Слово, как иголка,
Люди – ватники.

Не бывает силы
В кулаках да в грязи
Их перекосило
А меня не сглазить –
Лезут дураки.

Отнимают осень
Отнимают зиму
Наплюют в Россию
Греют кабаки.
Всё у нас отстойное?
Вали!

Всё у нас развалено?
Проваливай!
Едь в другое место -
Там громи!

Ничего не строили
На одних историях
Ничего не жали -
Вечно ожидали,
Потому я больше
Не пишу стихи.

Я – географ, который не пропил глобус,
Анна Каренина, севшая в поезд,
Раскольников, умерший в нищете –
Но даже такой не нужен тебе

Я – Ассоль, что весь век оставалась у пристани,
3-й том «Мёртвых душ» написан и издан,
Дантес, стреляющий, к радости, плохо –
Но этого мало тебе для вдоха

Я – Есенин, наливший убийцам рома,
Маленький принц, и добрался до дома,
Белый Бим, что хозяину гавкнул «живи!», –
Но этого мало тебе для любви.

Петя

В две тысячи первом
Петя был дворник
с двумя выходными
суббота и вторник
по вторникам Петя
смотрел на крыши
с которых падали
капли снега
хорошо, что сегодня
дожил до обеда
хорошо, когда сверху
тарелка неба.

В огромном городе
у Пети не было
никого, только
серые мыши
в подвалах Манежа
и где-то повыше
он носил им

в карманах
кусочки хлеба
а по субботам
ходил на концерты
по маленьким залам
мотал километры
Арбат не любил
и Тверскую тоже
бродил по дворам
избегая прохожих
Петя стоял
на обочине мира
мир состоял
из отсутствия мира.

В две тысячи первом
Петя был первым
человеком в Москве
что смотрел на небо
и увидел там снег
и поймал его ртом
вдруг рассмеялся
кто-то, но кто?
оглянулся в глаза
видит –
шапка-ушанка
по лицу прочитал –
хулиганка
сумасшедшая
с поезда шедшая
городская, больная
наконец-то живая!
в голове с тараканами,
но без мышей
а Петя впервые
стоял в центре мира
и мир состоял
из простых вещей.

двенадцать листов, поперек, без линеек
заброшенный ЗИЛ, ничего на бензин
Отче, отвади меня от плеек
особенно тех, что я вижу вблизи
особенно тех, что идут на поминки
как на подмости, пустить слезу
Отче, избави меня от подростков
от всех, кого тащит с тирамису
кто корчит «кафе» вместо слова «столовка»
кто дружит: но друг – это только тусовка
кого возбуждают стаканы и водка
с кем быть откровенным немодно, неловко
кто смотрит в глаза, как в чёрные бездны
достигнул нирваны - стал бесполезным
от самофотов, живых и от ботов
особенно пафосных патриотов
от пьяных пилотов, взрывных самолетов
от славы и почести идиотов
отвадь от филологов, от спиногрызов
психующих, ищущих вечный смысл
плюющих в лицо и на землю окурки -
избавь хотя бы от дурки.

Ты обязательно есть
В толпе, в переходе
В потоке метро,
Посреди электрички,
Спешащей в депо
Ты обязательно есть,
Но кто?

Меня обязательно нет
Там, где ты раздаешь
Себя по городам
Стираешь подошвы
По мостовым
И летом уедешь
В Крым.

Выходит
Приёмник опять барахлит,
Ведь я постоянно срываюсь
На крик
И сквозь проводные
Помехи и гам,
Мне кажется ты
Обязательно там.

Ты бродишь без шапки
По веткам метро
И бьются лошадки
В тугое пальто
Копыта сверкают
Внутри говорят
Конец. Остановка
Охотный ряд.

Так выйди
Чего ты стоишь и ждешь?
Твоя остановка

Пелевенский дождь.
Затерты ботинки
Пусть всё надоест,
Когда будет день
Мы окажемся здесь.

Мы выйдем из А
Но не встретимся в Б,
Ведь это не надо
Ни мне, ни тебе
Но вечером трубка
И по проводам
Чуть слышно:
«Ты здесь?»
«Я тут»,
«А я там».

Пилигримы

за проломами подъездов
гомонящих переездов
за бетонными углами
за набитыми домами
жили стёртые носочки
там куличек, тут песочек
беззаборно нараспашку
жили коли, жили сашки
в подорожниках в крапиве
в детском иллюзорном мире
томы сойеры, гек.фины
мы немые пилигримы
высекали свое имя
оставляли под другими
над другими, на ладони
и сцепляли тайну крови
вырастали сашки, коли
как гороховое поле
и катились восвояси
из деревни, дальше, к массе
уходили сашки, коли
за гороховое поле
за железные картонки
за кирпичики, воронки
в города, в немые спины
уходили пилигримы.